

Крюкова Т.Л. Молодежь о старшем поколении: психология межпоколенного конфликта

English version: [Kryukova T.L. Young people about elder generation: the psychology of intergenerational conflict \(gap\)](#).

Костромской государственный университет им. Н.А.Некрасова, Кострома, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

В статье делается попытка теоретически осмыслить проблемы межпоколенных отношений в современном российском обществе. Приводятся эмпирические доказательства предположений о наличии межпоколенной интеграции / отчуждения и конфликта в межпоколенных отношениях на примере представлений молодежи о старших поколениях. Раскрываются некоторые факторы, детерминирующие восприятие людей других поколений молодежью.

Ключевые слова: изменения межпоколенных отношений, социальные представления о других поколениях, конфликт поколений, сопричастность, межпоколенный ресурс

Проблема межпоколенных отношений в психологии

Межпоколенные отношения давно и успешно исследуются зарубежными и отечественными авторами в различных сферах науки (особенно интенсивно в экономике и социологии). В литературе можно встретить изучение специфики выбора и поддержания взаимоотношений пожилых людей с молодым поколением и сверстниками [Минигалиева, 2000 и др.], в том числе в семье.

В современных исследованиях межпоколенных отношений социально-психологические аспекты этого феномена до сих пор изучены недостаточно, в том числе, образ прародителей и его значение для представителей поколения «внуков», влияние этого образа на успешность / неуспешность межпоколенных отношений в целом.

Мы поставили перед собой вопрос, почему для одних людей образ старшего поколения является источником их успешных взаимодействий, межпоколенного объединения и ресурсом в совладании с жизненными трудностями. Однако для других, этот образ (в том числе, прародителей в семье), в основном, негативен, неточен, либо отсутствует вовсе – (в том числе вытеснен) и не имеет ресурсного значения.

Методологически мы опираемся на теорию социальных представлений С.Московиси, а также на и теорию социального мышления, разрабатываемую К.А.Абульхановой. Теория социальных представлений разработана французским социальным психологом С.Московиси (S.Moscovici, 1984). Московиси рассматривает социальные представления как особую форму обобщенного коллективного знания, усваиваемого отдельным индивидом. Основные функции социальных представлений – сохранение стабильности сознания, детерминация поведения, интерпретация фактов и их включение в существующую у индивида картину мира. «Понятно, что они [социальные представления – Т.К.] содержат общие убеждения и идеи, относимые к практике, к реальности, не

являющиеся детальными ... – пишет С.Московиси. – Если посмотреть на них общим взглядом, то представления должны выступать в своей совокупности как внутреннее содержание общества, его реальности, а не как его дубль или отражение. В этом смысле представление – одновременно и образ, и структура изображаемого предмета, то, что обнаруживает смысл вещей, существующих в совокупности, но и то, что полно лакун; то, что в вещах отсутствует или представляется незримым» [Московиси, 1995, т. 16, N 1, с. 16–17].

С.Московиси (1995) описывает пять важнейших функций социальных представлений.

1. Сохранение стабильности и устойчивости индивидуальной и групповой структуры сознания.
2. Интерпретация реальности.
3. Адаптация новой информации к уже имеющейся системе социальных представлений.
4. Опосредование и регуляция существующих отношений и поведения.
5. Смысловой синтез.

К.А.Абульханова, переводя понятия представления в плоскость сознания личности, поэтому исследует проблему роли личностных особенностей в функционировании и характере социального мышления. Автор настаивает, что нужно дифференцировать общественную реальность и ту сферу социальной действительности, которую данная личность охватывает своим сознанием и действием, в которой проходят этапы ее жизненного пути, самоосуществления, общения с другими людьми. «Личность со своим сознанием оказывается пропорциональна (или не пропорциональна) той сфере, в которой она живет, и это существенным образом определяет не только «мост» между индивидуальным и общественным сознанием, который имеет в виду Московиси, но и различные «барьеры», препятствующие свободному проникновению в индивидуальное сознание социальных представлений» [Абульханова, 2002, с. 92]. Одни представления остаются для личности умозрительными абстракциями, другие отвечают ее позиции и выражают ее, оказываются ее основанием, опорой.

Для нас важно следующее понимание функции социальных представлений по К.А.Абульхановой [Абульханова, 2002]: их совокупность обеспечивает личности *степень субъективной определенности восприятия, понимания и воспроизведения социальной действительности и себя в ней*. Социальные представления у личности возникают не только в силу ее непосредственного контакта с действительностью, но она черпает их из общественного сознания. В отличие от понятий представлениям присущ *субъективизм*. Они могут быть констатирующими, консервативными, ригидными, установочными или при большей степени сложности, четкости и гибкости становятся предпосылкой для появления в сознании проблем. Представления, на основе которых возникают проблемы, всегда лично значимы, интеллектуально интересны, социально затрагивают личность и потому более субъективны и становятся предметом «работы» социального мышления, сознания личности. Абульханова отмечает, что в сознании российской личности множество представлений не стыкуются, не согласуются друг с другом, порождая вопросы и выливаясь в проблемы или оставляя личность в состоянии *непонимания* происходящего. Особенно это относится к правовым и социальным представлениям, затрагивающим соотношение личности и общества [Там же. С. 100]. В целом представления могут являться одновременно когнитивными и ценностно-смысловыми образованиями.

Социокультурный контекст межпоколенных отношений

Изучение социальных представлений, сложившихся у молодого поколения о старших поколениях и о своих предках, позволяет получить ценную характеристику уровня и качества общественного и индивидуального сознания и социального мышления. Кроме того, данное исследование дает представление об уровне знаний детей и внуков, живущих в начале 21-го века, о своей семейной истории. Это особенно важно в современной ситуации, характеризующейся трансформацией и даже кризисом семейных отношений [Голод, 1998; Карабанова, 2004; Крюкова и др., 2005; Крюкова, Петрова, 2008].

В России практически каждая семья имеет «белое пятно» в памяти о своих предках. Этому способствовали войны (первая и вторая мировые или гражданская и Великая отечественная), голод, государственный террор (раскулачивание, переселение народов, и затем ГУЛАГ). Неосмысленное, неопределенное прошлое, с точки зрения и индивидуальной биографии отдельного человека и его семейной истории, преступления государства против своего народа, «большой террор», начавшийся в 1937 году, остались без наказания и подлинного покаяния. Именно поэтому молодое поколение все больше ставилось в ситуацию неопределенности как своего места в роду, так и в обществе, о чем писали А.И.Солженицын (1973–1989), Л.Н.Цой [Цой, 2006].

Изучение межпоколенных отношений в историческом контексте, знание о своей семье и ее значимых людях, знание, понимание и принятие накопленных в семейной истории как негативных, так и позитивных фактов (как они выживали?), должно стать одним из критериев укрепления межпоколенного взаимопонимания и продуктивного взаимодействия [Михайлова, 2003; Крюкова, Петрова, 2008].

Рассматривая особенности межпоколенных отношений у представителей различных культур, можно отметить наличие прочных межпоколенных связей, культа предков у народов южных и юго-восточных стран. Так, например, японцы с детства воспитываются в духе веры в то, что страна, в которой они живут, – это не просто земля, горы и реки, а священное жилище богов, место, где обитают души их предков. Считается, что умершие предки превращаются в богов и определяют жизнь и поступки живых, распоряжаются их судьбами.

Силу семейно-родственных связей можно проследить, рассматривая и древние русские обряды. Например, обряды приема новорожденного в семью и общину на крестинах, где обязательно присутствовали не только мать и отец, но и члены семейно-родственного клана. Принято было посещать могилы ближайших родственников в предсвадебную неделю, так как издревле считалось, что умершие предки – малые, младшие боги. Домострой предостерегал: «Отцовское проклятие иссушит, материнское искоренит».

О возникновении кризиса родового самосознания, отрыва от родовых корней в России говорилось еще задолго до XX века. Отец Павел Флоренский указывал такие его причины: разорение уклада жизни, быта, гнезда, оседлости, «дурное чувство зависти к родовым фамилиям», разрыв с отцами, дедами, отречение от имени, титула, генеалогии у молодежи.

Межпоколенный конфликт или сопричастность?

Специфика конфликта поколений в современной России выражена, по мнению социологов (М.Б.Глотов, Л.Н.Цой и др.), в следующих фактах. Постсоциалистические реформы в России и дестабилизация в стране, вынуждали и вынуждают человека «выживать», что формирует в сознании молодого поколения отношение к старшему поколению как к иждивенцам. Молодежь, не имеющая ясного представления о жизни старшего поколения, часто драматизирует их социальное положение. В массовом сознании, как в скрытой, так и в явной форме фиксируется отношение к пожилым людям как к бесполезной категории населения. Фактически государство реализует стратегию вытеснения людей преклонного возраста из сферы доступа к престижным ценностям, власти, и другим ресурсам, а также периферийным положением их проблем. Внимание общества в большей степени акцентируется на проблемах молодежи, чем на проблемах лиц пенсионного возраста. Происходит трансформация отношения молодежи к старшему поколению в направлении от традиционно почтительного к нетрадиционному, не характерному для российского менталитета, осуждающему, порицающему, отвергающему. Пожилые люди оказались брошенным поколением, лишились сочувствия, сопереживания и помощи со стороны родных детей и внуков [Краснова, Лидерс, 2002].

Отсутствие у современной молодежи ясного представления о жизни старшего поколения рождает предрассудки и создает стереотипы, которые проецируются на межпоколенные взаимоотношения. Социальный стереотип (от греч. stereos – твердый и typos – отпечаток), понятие, введенное в науку У.Липпманом [Приводится по: Майерс, 2000], близко понятию социальное представление. Это стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ, представление о социальном объекте. Индивид может не иметь достаточно сведений об объекте и, тем не менее, выносить свое суждение, подкрепленное чувствами и действиями. Так рождаются стереотипы, когда вероятностный характер сведений о реальности трансформируется в категорическое суждение детерминистского характера.

В определении современных отношений между младшими и старшими поколениями вкрадывается и такое явление как эйджизм (от англ. – ageism). Р.Батлер (1969), автор этого термина, описывает его как отражение глубокой тревоги некоторых молодых людей и людей среднего возраста, их личное отвращение и ощущение неприязни к стареющим людям, болезням, инвалидности и страх беспомощности, бесполезности и смерти. Это, по его мнению, «систематическая стереотипизация и дискриминация людей по причине их возраста (старости), так же как расизм и сексизм» [Цит. по: Краснова, Лидерс, 2002, с. 207]. Польский психолог и геронтолог К.Висьневска-Рошковска [1989] главной причиной отдаления, а иногда и неприязни современной молодежи к старикам считает широко распространившееся на американский манер стремление к потребительству и наслаждению жизнью. Чем больше эти тенденции обозначаются, тем больше ценится и прославляется молодость и красота и тем больше ощущается неприязнь молодежи к старости.

В исследованиях О.В.Красновой (1997, 2002) были изучены представления подростков и молодежи о людях пожилого возраста. Важно отметить, что выборку составили молодые люди, которые проживают отдельно от своих бабушек и дедушек и редко с ними видятся. Результатом явились общие представления, что значит быть старым человеком, и вывод исследователя о том, что с возрастом растет число негативных оценок пожилых людей, и уже к 25 годам формируется стойкое неприятие старости и всевозможные проявления эйджизма по отношению к старикам.

В сегодняшней ситуации тенденций к разобщению, экономическому расслоению и непримиримости в российском обществе возобновление межпоколенных контактов могло бы стать стабилизирующим фактором в современном обществе. Для успешного развития нашего общества важно объединить опыт, знания и мудрость пожилых с жизнерадостностью, здоровьем и оптимизмом молодых людей, необходимо сближение, сопричастность поколений (cohesion в англоязычной терминологии).

Эмпирическое исследование

Мы провели несколько эмпирических исследований по данной проблеме в 2005–2008 гг.

Исследование 1 посвящено представлениям молодого поколения о старости, более подробно изучив составляющие образа пожилого человека глазами молодежи старше 20 лет (Т.В.Гущина, 2006–2007). В исследовании приняло участие 96 студентов гуманитарного факультета Костромского государственного технологического университета, возраста 20–22 лет (из них девушек 59; юношей – 37). Респондентам предлагалось описать возраст, который они относят к старости, назвать положительные и отрицательные стороны этого возраста и «примерить» этот возраст на себя. В инструкции мы просили испытуемых, представив себя в старости, написать, какими бы они хотели себя видеть в этом возрасте, и что для них неприемлемо. Полученные данные обрабатывались при помощи контент-анализа.

Проанализировав материалы исследования, мы получили 277 положительных и 217 отрицательных характеристик возраста старости. Попытка их классифицировать привела к выделению 7 *критериев*: внешний вид, здоровье, активность (деятельность), материальное положение

(достаток), жизнеспособность, качества личности, особенности взаимоотношений с окружающими. Основное внимание было уделено респондентами личностным качествам людей «третьего возраста», причем положительных было названо 70, а отрицательных – 101. Среди положительных чаще всего (ранг 1) назывались: доброта, заботливость, спокойствие, уверенность, мудрость, опытность, стабильность в жизни, молчаливость, самодостаточность. Среди отрицательных преобладали: ригидность и консерватизм, агрессивность (грубость), равнодушие, высокомерие, «постоянное стремление поучать», жадность, наглость, пассивность, распространение сплетен. Вторую позицию занимают характеристики взаимоотношений старого человека, среди которых больше было названо положительных (75), чем отрицательных (46). Положительными называют: общительность, понимание молодого поколения, стремление оказать помощь детям и внукам, но только в случае их согласия, умение дать совет, пользоваться уважением, иметь большую семью, много внуков. Среди отрицательных характеристик чаще всего встречались: лицемерие и манипуляции другими, надоедливость, одиночество, непонимание молодого поколения, вмешательство в чужие дела.

Характеристики состояния здоровья занимают третью позицию. Всего было названа 41 положительная характеристика (крепкое здоровье, здравый ум, хорошая память, энергичность, хорошая физическая форма) и 39 отрицательных характеристик (плохое здоровье, слабоумие и маразм, обездвиженность, плохая память, слепота, глухота, медлительность, отчаяние). Часто, говоря об отрицательных характеристиках старости, студенты упоминали постоянные жалобы стариков на состояние здоровья, которые вызывают у молодого поколения недоверие и раздражение. Мало кто из молодых респондентов осознает такое поведение как следствие дефицита внимания, чаще – как жажду власти и контроля и эгоцентризм старости.

Важной положительной стороной возраста мы назвали жизнеспособность, куда вошли такие характеристики (41), названные респондентами как: жизнеспособность, хорошее настроение, чувство юмора, позитивный взгляд на мир, современность, удовлетворение прожитыми годами. Противоположными им названы: плохое настроение, несовременность, страх смерти, жизнь прошлыми воспоминаниями.

Следующую позицию занимает описание внешнего вида. Мы получили 15 положительных и 14 отрицательных характеристик. К положительным относятся: отсутствие большого количества морщин, чистоплотность, ухоженность, следование моде, симпатичная внешность. К отрицательным: неухоженность, наличие морщин, бородавок, горба. Отметим, что больше половины респондентов, отмечавших эти качества, – это девушки. Вероятно, поэтому, описание изменений внешности как негативной характеристики занимает четвертую позицию, а как положительной – шестую.

Многие респонденты большое внимание уделили описанию деятельности и активности в старом возрасте, выделяя их как положительную характеристику старости (23). Среди названных вариантов можно отметить: наличие трудоспособности, ведение хозяйства, забота о саде, игра с внуками, путешествия, увлечения. Интересно, что ограничение контактов и деятельности, жизнь дома, отсутствие дел воспринимается молодым поколением как отрицательно, так и положительно.

Проблема материального благополучия, по мнению респондентов, не самая актуальная для старости, описание ее занимает последнюю седьмую позицию. 12 выборов было в пользу того, что благоприятным для старости является жизнь в достатке, наличие своего жилья и социальная защищенность. Только три человека считают, что низкий материальный достаток – это проблема старческого возраста. Возможно, это косвенное свидетельство социально-экономического статуса родительских семей респондентов.

Незначительное, но все же преобладание *положительных* характеристик старости, полученных в исследовании, позволяет нам сделать вывод о том, что среди наших респондентов нет открытого негативного отношения к старческому возрасту или эйджизма. У нас есть два объяснения

подобному факту. Во-первых, молодые люди пытались, в том числе, представить и описать себя в старческом возрасте, не допуская, что далекое будущее может быть только неприятным и страшным. Во-вторых, респонденты – жители небольшого провинциального города, с невысоким темпом жизни и консервативностью, сохраняющей традиционность семейного уклада, что позволяет сохранять, на наш взгляд, и межпоколенные отношения более близкими, теплыми и прочными. Кроме того, в малых городах и сельской местности семьи в большинстве своем сохраняют многопоколенную структуру. И, даже в том случае, если прародители проживают отдельно, взаимодействие между ними, детьми и внуками происходит в центральной России чаще и интенсивнее, чем на западе, где межпоколенная разобщенность давно стала острой проблемой (Ohio State University Intergenerational Programming, 1998). Так в программе университета Огайо в США разработан специальный блок «Письма от старшего поколения» и заключается в переписке пожилых людей и представителей старшего поколения с детьми и подростками, в том числе, с собственными внуками/правнуками. Программа включает в себя написание 10 писем ребенку, которого человек может выбрать сам, согласовав переписку с его родителями. Университет Огайо, реализующий эту программу, также может оказать помощь в поиске ребенка-адресата, если внуков у пожилых людей нет [Intergenerational Programming, 2003].

Предлагается 10 основных тем для писем, которые пишут ребенок и взрослый друг другу:

- привязанность и дружба,
- семья и наследование, преемственность,
- щедрость и любовь,
- ответственность и мужество,
- уважение к старшим,
- честность,
- взаимопомощь, конкуренция и справедливость,
- конфликт и насилие,
- печаль, грусть и потребность в поддержке.

Обмениваясь знаниями, чувствами и мыслями в письме, они излагают свое видение и жизненный опыт по темам, больше узнают друг о друге. В этом процессе старшее поколение получает удовлетворение от осознания, что их идеи донесены до молодежи, а ребенок получает удовольствие от возможности искренне поделиться мыслями, чувствами, опытом и узнать больше о мире взрослых. Исследования показывают, что дети, воспользовавшиеся возможностью такого интимного общения со взрослым, реже имеют негативные стереотипы о старшем поколении, не боятся взрослеть и старости. Как видим, прерванный процесс естественного взаимодействия, общения между поколениями общество вынуждено восстанавливать в какой-то мере искусственными способами (специальной социально-психологической акцией).

В эмпирическом *исследовании 2* (Крюкова, 2007) сравнивались социальные представления молодежи того же возраста (19–20 лет) и социального статуса (студенты Костромского государственного университета, всего 66 человек, из них 55 девушек и 11 юношей) о поколении ровесников, младшем поколении и старшем поколении. В целом, *большее* количество положительных черт приписывается младшему поколению (возможно, это следствие влияния сиблинговых проекций / ранних детских воспоминаний и требует проверки), а отрицательных – старшему поколению. При этом мы выяснили (проведение ре-тестирования: $r = 0,78$, $p < 0,01$), что образ старшего поколения является для студентов наиболее сформированным и определенным, внутренне менее противоречивым, чем образы сверстников и младшего поколения (здесь также не исключено влияние объектных отношений – родительского переноса).

Особенно велик разброс зафиксирован в назывании качеств ровесника, при этом количество отрицательных качеств, приписываемых ровесникам, намного превышает количество положительных (62 и 38% соответственно). Студенты называли по разнообразным основаниям те качества, которые либо ценили и хотели бы приобрести, либо «искоренить» в себе, либо те,

которые одобряются / не одобряются и их среде, в обществе, в целом.

Образ младшего поколения (детей и младших подростков) включает в себя наличие жизнерадостности, активности и энергичности как позитивных качеств и инфантильность, глупость, зависимость, агрессивность как негатив. Качественный психолингвистический анализ называемых черт обнаружил, что черты образа ровесника – есть некий переход, пограничная область (по смыслам) между составляющими образов младших и старших поколений. Например, если в образ младшего входит агрессивное поведение («дерется»), ровесник называется развязным, вызывающим ответную агрессию, то старшему приписывается пассивно-агрессивное поведение: налицо динамика от применения реальных действий к скрытым и более сложно уловимым формам пассивно-агрессивного поведения. Представляется, что предпосылки как конфликтных, так и интегрирующих, объединяющих тенденций в межпоколенных отношениях у молодежи 19–22 лет очевидны по результатам данных эмпирических исследований.

Межпоколенные взаимоотношения в семье как важной микросреде как для молодого поколения, так и для поколения пожилых людей особенно ярко проявляют некоторые, чаще скрытые особенности взаимодействия представителей разных возрастных групп. Семья в течение всей жизни человека может быть / не быть для него первой и последней опорой – «стартовой площадкой» на раннем этапе жизни и «последним прибежищем» в позднем возрасте. Устойчивость семьи и межпоколенных отношений в ней к трудным жизненным событиям, конфликтам и разногласиям определяется тем, что глубинные слои культуры, традиции, формы быта, семьи, складывающиеся тысячелетиями, устаревают медленнее, чем любые инновации в других сферах. Молодое поколение, вне зависимости от осознанного намерения и желания, продолжает опираться на традиции и опыт прошлого. Кроме того, межпоколенные отношения, трансмиссия культуры включают в себя встречные информационно-деятельные потоки от родителей к детям, но и от детей к родителям.

Говоря о степени возможного влияния старшего поколения на молодежь, необходимо подчеркнуть важность такого фактора, как мера доверия молодежи к старшим. Общение со старшим поколением незаменимо ничем, так как они осуществляют связь времен, без которой невозможно само знание об осуществимости жизни в любом возрасте.

Для интеграции межпоколенных отношений также важно, какой путь старения выбирает сам пожилой человек, выбирает ли он стратегию сохранения себя как индивида, при этом игнорируя возможность выбора, связанного с поддержанием и развитием связей с обществом. Либо пожилой человек выбирает стратегию сохранения себя как личности [Анцыферова, 2006]. В этом случае, позитивная эволюция в старости, неизменно влияющая и на гармонизацию межпоколенных отношений, возможна, если пожилой человек найдет возможность реализовать накопленный опыт в значимом для других деле и при этом вложить в это частицу своей индивидуальности, своей души. Тиражирование своего опыта, плодов своей жизненной мудрости делает пожилого человека значимым для общества и тем самым обеспечивает сохранность и его связей с обществом, и самого чувства социальной причастности обществу. Спектр таких социально-значимых видов деятельности может быть самым широким: продолжение профессиональной деятельности, писание мемуаров, воспитание внуков и учеников, преподавание и многие другие дела, к которым всегда тянулась душа. Главное здесь – момент творчества, которое позволяет не только повысить качество жизни, но и увеличить ее продолжительность [Ермолаева, 2004].

Какой бы путь ни был выбран, психотерапевты предупреждают – «сила и бесстрашие – вот что понадобится нам всем, даже если представить себе идиллическую картину умытой, подтянутой старости в окружении любящей семьи...» [Михайлова, 2003, с. 291]. Человек должен позаботиться заранее о себе – чтобы были друзья, сохранялись и развивались интересы и хобби, позитивный взгляд на жизнь и то, что случится дальше.

В эмпирическом *исследовании 3* (Крюкова, 2007) представлений о счастье в старости у молодых и пожилых мы исходили из методологического посыла самого известного специалиста в этой сфере –

английского психолога Майкла Аргайла (1990). Он пишет, что если кто-нибудь говорит о том, что он счастлив в своей глинобитной хижине на сваях, или, напротив, испытывает неудовлетворенность при внешних признаках благополучия, *значит, дело обстоит именно так*, несмотря на то, что мы думаем по этому поводу [Аргайл, 1990, с. 28].

Многие кросскультурные исследования не показывают значимых положительных корреляций между уровнем экономического благосостояния жителей западных стран и ощущением счастья [Джидарьян, 1996]. Выяснилось, например, что более всего удовлетворены своей жизнью бельгийцы, датчане и голландцы, в то время как у французов, итальянцев и немцев этот уровень самый низкий, хотя показатели экономического благополучия в этих странах примерно одинаковые. Иными словами, материальное благополучие не является прямой предпосылкой к психологическому благополучию и ощущению счастья. Таким образом, исследователи делают вывод о том, что в основе ощущения счастья и удовлетворенности жизнью лежат далеко не материальные ценности, а скорее, это более глобальные сугубо индивидуальные личностные приоритеты и цели, достижение которых может сделать человека по-настоящему счастливым. И.А.Джидарьян отмечает, что в отношении российских традиций и российского менталитета наиболее важной представляется присущая им доброжелательная тональность при восприятии несчастья и тех, кто несчастен («Несчастья бояться – счастья не видеть»). Как известно, само слово «счастье» в русском языке происходит от корня «часть», то есть удел, судьба, участь. Соответственно, несчастье – это не удел, не судьба. Русские люди по-разному воспринимают степень своего участия в возникновении счастья и несчастья. Так, если достижение счастья еще может связываться с какими-то усилиями и заслугами самого человека, то в несчастье эта личностная компонента практически всегда отсутствует [Приводится по: Джидарьян, 1996, с. 45]. Многие исследователи относят подобный способ объяснения позитивных и негативных жизненных событий к позитивному объяснительному стилю, который лежит в основе оптимистической ориентации личности. Доброжелательно-сочувственная тональность русского сознания к несчастью определила и свойственную русским людям откровенность в отношении к своим бедам и страданиям, которые обычно не скрываются от других. Русским людям свойственна привычка «поведать» о своих несчастьях, рассказать о своем горе, не сомневаясь при этом, что их поймут и поддержат. А вот на вопрос о собственном счастье испытуемые иногда медлили с ответом.

В эмпирическом исследовании приняло участие одинаковое количество молодых людей в возрасте 20–22 лет ($n_1 = 25$) и пожилых людей в возрасте 73–78 лет ($n_2 = 25$) (выборка уравнена по полу; группы были смешанными). Молодым людям задавался вопрос «Как Вы представляете счастье в старости (70–79 лет)?». Пожилым людям вопрос предлагался иначе: «Что для Вас означает быть счастливым человеком сейчас, в Вашем возрасте?».

В результате анализа ответов оказалось, что молодежь предполагает, что счастье пожилых людей состоит в наличии внуков, благополучии и внимании со стороны внуков и детей, полезности для близких, прежде всего. Затем назывались сохранение активности, материальная обеспеченность и здоровье, проживание с супругом (супругой) «бодренький старичок/старушка рядом» – в последнюю очередь (табл. 1). Счастье – это также хорошие воспоминания о ярких моментах жизни.

Таблица 1

Представления молодых людей о счастье в старости

Составляющие счастья, по мнению молодежи 20–22 лет	Процент ответов
Много внуков	45,5
Навещают дети и внуки	45,5
Полезность для близких	45,5
Жизнерадостность и активность	36,4
Материальная обеспеченность	36,4
Счастье и здоровье внуков	36,4

Здоровье	27,3
Рядом муж, жена	27,3

Интересно, что эти представления молодежи о счастье в старости существенно отличаются от мнения самих пожилых людей о том, когда они счастливы. Для них главными составляющими актуального счастья оказались собственное здоровье и покой, а также хорошее материальное положение (табл. 2).

Таблица 2

Представления пожилых людей о составляющих счастья в старости

Составляющие счастья, по мнению пожилых людей 73–78 лет	Процент ответов
Здоровье	81,9
Покой	45,5
Уважение молодёжи	36,4
Материальная обеспеченность (повышение пенсии)	36,4
Счастье и здоровье детей и внуков	18,2
Понимание	18,2

Как видим, между поколениями внуков и дедов существуют явные расхождения в социальных представлениях о людях пожилого возраста; эти различия наглядно отображены на рисунке 1.

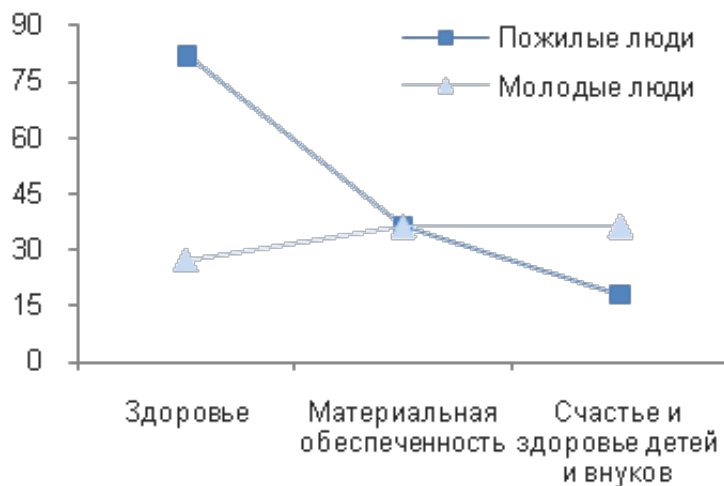

Рис. 1. Составляющие счастья в старости.

Представляется, с одной стороны, что молодежи, конечно, мало известно, что значит состариться, поэтому она относит старость к далеким и мрачным перспективам, о которых приятнее мыслить позитивно. С другой стороны, все опрошенные молодые люди имеют дедушек, бабушек, а некоторые знают и своих прадедов – людей именно этого преклонного возраста. Видимо, юношеская эгоцентрическая позиция, выражающаяся в стремлении видеть желательное, вместо действительного, сталкивается с эгоцентрической позицией пожилых людей, чей эгоцентризм считается заостряющейся возрастной чертой. В итоге перед нами иллюстрация существенного расхождения социальных представлений, ведущих к малой возможности взаимопонимания между поколениями. Выходом может быть лучшее узнавание старшего поколения молодым через более неформальные контакты и помощь, порождающие эмпатию и взаимопонимание.

Особенности и трудности межпоколенных отношений в современной России состоят в том, что эти отношения претерпевают изменения при смене политической, экономической и социальной структур. Они одновременно включают и конфликт, и сопричастность друг с другом, обладают

ресурсами совладания с трудностями и дальнейшего развития. При определенных условиях, грамотной социальной политике и личной ответственности людей за качество и содержание своей жизни мы можем говорить о *ресурсности* межпоколенных отношений, которая проявляется в том, что одно поколение активно и заинтересованно берет и осваивает от другого, обеспечивая этим собственное развитие и психологическое благополучие.

Литература

Абульханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. М.: Институт психологии РАН. 2002. Часть 3: Социальные представления и мышление личности. С. 88–103.

Анциферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Институт психологии РАН, 2006. 415 с.

Аргайл М. Психология счастья / общ. ред. и вступ. ст. М.В.Кларина. М.: Прогресс, 1990. 332 с.

Висьневска-Рошковска К. Новая жизнь после шестидесяти: пер. с польск. / общ. ред и предисл. А.В.Толстых. М.: Прогресс, 1989. 263 с.

Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. N 10. С. 42–48.

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 271 с.

Джидарьян И.А. Проблема счастья в русском менталитете // Российский менталитет. Психология личности, сознание, социальные представления. М.: Институт психологии РАН, 1996. С. 34–48.

Ермолаева М. В. Психология зрелого и позднего возрастов в вопросах и ответах: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2004. 280 с.

Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2004. 320 с.

Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старения: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 288 с.

Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. СПб.: Речь, 2005. 240 с.

Крюкова Т.Л., Петрова Е.А. Социально-психологические ресурсы совладания: семейная история и значимые предки // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / под ред. А.Л.Журавлева, Т.Л.Крюковой, Е.А.Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 455–470.

Майерс Д.Дж. Социальная психология: интенсив. курс. 3-е междунар. изд. СПб.: Прайм-Еврознак: Нева; М.: ОЛМа-Пресс, 2000. 510 с.

Минигалиева М.Р. Личностные типы и социальные контакты людей позднего возраста // Психология зрелости и старения. 2000. N 2(10). С. 75–88.

Михайлова Е.Л. «Я у себя одна», или Веретено Василисы. М.: Класс, 2003. 320 с.

Московиси С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995.

Т. 16, N 1 (статья первая). С. 3–18. Т. 16, N 2 (статья вторая). С. 3–14.

Цой Л.Н. В контексте конфликтологии: конфликт поколений [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение»: сайт. URL: www.fom.ru (дата обращения: 24.12.2007).

Intergenerational Programming [Electronic resourc] // Ohio State University [Site] The Department of Aging. Ohio State University Extension: Senior Series. 2003. URL: <http://ohioline.osu.edu/ss-fact/0142.html> (date of access: 13.12.2008).

Дата публикации: 17 декабря 2008 г.

[Сведения об авторе](#)

Крюкова Татьяна Леонидовна. Доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Костромской государственной университет им. Н.А.Некрасова, ул. 1 Мая, д. 14, 156001 Кострома, Россия.

E-mail: tateleonkr@kmtn.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Крюкова Т.Л. Молодежь о старшем поколении: психология межпоколенного конфликта [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 2(2). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)